

Синопсис к пьесе – «Останемся друзьями»

Жанр: Комедия

Взаимоотношения между мужчиной и женщиной, стары как сама жизнь. Кажется, что все известно и, безусловно.

Мужчина играет роль охотника, женщина же, в силу своего природного целомудрия и наивности, выступают в роли соблазненной жертвы.

Ну, казалось бы, что еще можно сказать о представлении, которое длится испокон веков.

Но все же, каждый раз все происходит по-новому.

Георгий Свечников заманивает в съемную квартиру Евгению Кузнецову.

В портфеле мужчины давно приготовлена бутылочка вина и плитка черного шоколада. Это тот экспромт, который всегда с блеском удастся Свешникову.

Все идет, как и должно идти. Отлаженная за много лет система безотказно работает, осталось лишь произнести пару комплиментов и дело в шляпе.

Женщина – твоя.

Но неожиданно, процесс обладания женщиной замедляется, останавливается и вскоре идет, но уже в обратную сторону.

Мужчина становится лакомой добычей в руках современной амазонки

И даже последние слова Георгия Свешникова: «Останемся друзьями», которые звучат как молитва, не останавливают Евгению Кузнецову.

Теперь она – женщина не хочет, и не может оставаться на дружеской ноге с тем, кого выбрала себе в мужа.

Но Георгий пока не догадывается, чем закончится для него рядовая интрижка.

Так не будем и мы, торопить события.

Пусть все и идет, не спеша, сцена за сценой до последнего акта.

Только какого?

Пьеса - «Останемся друзьями»

Действующие лица:

1. Георгий Свешников.
2. Евгения Кузнецова.

Меблированная однокомнатная квартира, предназначенная для кратковременных свиданий. Журнальный столик, два кресла, большая кровать в центре, стационарный телефон. Несколько дверей, одна ведет на кухню, другая в ванную комнату. Входная дверь находится справа. Слышно, как она открывается, и в квартиру входят двое: мужчина и женщина.

Евгения (осматривается по сторонам). Зачем ты привел меня сюда?

Георгий. Так дождик стал накрапывать. А я и ты - без зонта. Думал, обождем здесь — сезон дождей и дальше пойдем на прогулку.

Евгения. Какой дождь! На улице солнце светит ...

Георгий. Так и я говорю... солнце. При такой погоде запросто можно ожог получить. А тут в теньке отлежимся от дневной духоты, то есть отсидимся же, конечно.

Евгения. А если бы облачность была, чтобы ты тогда придумал?

Георгий. Вот когда будет — эта облачность, тогда и будем от нее всеми надлежащими средствами... предохраняться.

Евгения. И все-таки объясни мне истинную причину нашего нахождения здесь?

Георгий (говорит в сторону). Как будто это и так не ясно. Ну, что еще надо мужчине от женщины? Правильно. Только понимания в его жизненно важных потребностях. Насущных! Ладно, начну как всегда издали. (Обращается к Евгении.) Я подумал, чем нам просто болтаться по городу под завистливые взгляды прохожих, то лучше уединиться. А проще говоря, укрыться от них. Не то сглазят они: тебя - красивую и меня - чертовски привлекательного.

Евгения. Значит, это и есть твои меры предосторожности?

Георгий. Можно и так сказать. Тебе что, здесь совсем не нравится?

Евгения. Нет.

Георгий. По-моему миленько... чистенько. Главное без претензий. Заходи сюда человек и живи. Но всегда помни, что время твоё ограничено.

Евгения. Я почему-то была уверена, что ты меня домой к себе ведешь!

Георгий. Чтобы я порядочную женщину к себе привел! За кого ты меня принимаешь?

Евгения. Наверное, за мужчину, который во что бы то ни стало, решил переспать с чужой женой.

Георгий. Ну, зачем же, так сразу: »чужой», и тем более »чужая». Все мы, как сказано в Писании - братья и сестры друг другу, и поэтому обязаны делиться с ближним своим, всем, что у кого есть. Безвозмездно, заметь.

Евгения. Странное толкование Библии.

Георгий. А что тут странного! Вот у тебя, например, есть то, что необходимо мне, а у меня в свою очередь... такое, без которого ты просто не представляешь своей счастливой жизни.

Евгений. И что это такое... необыкновенное?

Георгий. Как что? Ну, ты меня просто удивляешь, Евгения! Конечно же, мой большой, можно сказать безразмерный внутренний мир. Ведь ты же хочешь, познакомиться с ним поближе!

Евгений (с иронией). Очень хочу! Правда я не думала, что этот твой безразмерный мир имеет такие незавидные границы - квартира для свиданий.

Георгий (не обращает внимания на издевательский тон). Ах, сколько романтики в твоих словах. Приют для тайных свиданий влюбленных. Какой слог! Какие чувства!

Евгений. Это не приют для влюблённых, а самый настоящий бордель.

Георгий. Что?

Евгения. Да, именно - публичный дом, а твой богатый внутренний мир не что иное, как порок и похоть, которые царствуют в нем.

Георгий. Ну, слава богу, не перхоть.

Евгения (миролюбиво). Давай уйдем отсюда, Георгий!

Георгий. Почему?

Евгения. Неужели ты не видишь, что все это пошло.

Георгий. Хорошо. Уйдем. Но прежде передохнем немного.

Евгения. Это что так необходимо?

Георгий (тяжело садится в кресло). В ногах правды нет. Давай присядем.

Евгения. Это не опасно?

Георгий. Какая же опасность может тебе, грозить, если ты, например, сядешь на кровать, а лучше ляжешь на нее же. (Говорит в сторону.) Потом, так и быть, и я прилягу на тебя за компанию.

Евгения. Я никакой заразной болезни не подхвачу, если сяду в это кресло?

Георгий. От одного приседания думаю, с тобой ничего экстраординарного не случится. Даже уверен, что никакая зараза к тебе не пристанет. Просто не успеет. Ведь наш привал будет коротким.

Евгения. Ты уверен?

Георгий. Ну, конечно. Проверено! Так что смело присаживайся. Хочешь, я тебе даже свое кресло уступлю. Оно мной уже продезинфицировано.

Свечников элегантно подает руку Кузнецовой и та, с опаской, но все же садится в кресло мужчины.

Георгий. Ну, как? Удобно.

Евгения. Вполне.

Георгий. Вижу, что тебя Женя, что-то беспокоит. Почему ты все время оглядываешься по сторонам?

Евгения. У меня такое ощущение, что за мной кто-то наблюдает.

Георгий. Я понимаю тебя: чужая квартира, незнакомая обстановка... Вот тебе все и кажется. Поэтому мой тебе совет - не бери в голову Женя, а бери... то есть возьми себя в руки. Здесь никого кроме нас нет, и быть не может.

Евгения. Эти шорохи... звуки... запахи.

Георгий. Так тебе надо срочно расслабиться. Как насчет бутылочки красного

вина?

Евгения. Не знаю.

Георгий. Сейчас ты должна полностью положиться на мой профессиональный опыт. Бокал вина — это лучшее лекарство от всяких страхов.

Евгения. Где же его взять?

Георгий. Как это где? Из тумбочки!

Евгения. Какой еще тумбочки?

Георгий. Не существующую в реальности тумбочку олицетворяет мой незаменимый на все случаи жизни - портфель. (Открывает его и достает бутылку вина и плитку шоколада.)

Евгения. Уже заранее все предусмотрел!

Георгий. Я?

Евгения. Да, ты.

Георгий. Не правда. Эта бутылочка просто завалилась у меня в портфеле, а я представь, о ней совсем забыл. Вот повезло... нам.

Евгения (смотрит на коллекционное вино, на которой указан купаж пятилетней давности). Что пять лет в свой портфель не заглядывал, Георгий?

Георгий. Почему пять лет? (Уже более внимательно осматривает бутылку.) Кто его знает, может быть и больше!

Евгения. Не портфель, а скатерть-самобранка. В нем предусмотрено все, что должно помочь мужчине в деле завоевания доверчивого и глупого женского сердца.

Георгий (что-то ищет в портфеле). Вот все ты наговариваешь на меня. Другой бы на моем месте давно обиделся, а я только терпеливо сношу твои ничем не подтвержденные обвинения. Если бы я заранее все предусмотрел, то наверняка бы захватил бы еще и его...

Евгения (говорит с иронией). Что, свой внутренний мир забыл?

Георгий. Он как раз всегда со мной. А вот штопора - нет. Черт бы его побрал! У тебя Женечка случайно нет штопора?

Евгения. Нет.

Георгий. Может, ты все-таки посмотришь в свою сумочку. Ну, так на всякий случай! (Пауза.) Не хочешь. Как же мы тогда бутылку откроем?

Евгения. Я уверена, что недостающие принадлежности, предусмотрены в этой квартире и входят в часовой прејскурант.

Георгий. Не может быть! Ладно, пойду, проверю. (Уходит на кухню и вскоре возвращается со штопором и с двумя бокалами.) Да, все как в библии сказано; ищите и найдете. Истинно слово божье, чтобы там не говорили воинствующие безбожники.

Евгения. А ты Жора верующий человек?

Георгий. Что за вопрос! Я фанатически верующий мужчина, который слепо поклоняется культу женщины. Ты вот предсказала чудесное появление штопора в этой квартире, но правда, почему-то о бокалах умолчала!

Евгения. Когда нет бокалов, то и штопор, собственно говоря - ни к чему.

Георгий (открывает бутылку и разливает вино в два бокала). Да, ты что! Какое математическое мышление! Я даже заслушался. Ну, вздрогнем что ли!

Евгения. Из этих бокалов я пить не буду?

Георгий. Но ведь они... чистые.

Евгения. Этого не достаточно.

Георгий. Зная, твои санитарные предубеждения, я специально смахнул с них вековую пыль. Три раза!

Евгения. Тем более

Георгий. И ополоснул даже. Чуть в дребезг один не укокошил. Ты что, предпочитаешь, выпивать из горлышка?

Евгения. Этого еще не хватало.

Георгий. Тогда я не понимаю, как ты будешь пить вино? Самотеком что ли!

Евгения. Я вообще не буду.

Георгий. Здрасьте, пожалуйста. Тогда зачем я вообще открыл бутылку?

Евгения. Наверное, для мужского самоутверждения.

Георгий. Для мужского самоутверждения, как ты говоришь, я пью исключительно водку и ничего кроме этого сорокаградусного напитка. Вино я вообще не люблю. (Пауза.) Но не оставлять же полную бутылку вина? Нет, все-таки придется мне его выпить.

Евгения. Ну и пей себе, если хочешь.

Георгий. Не было бы, ничего проще Женечка, если бы не одно... но.

Евгения. Что это еще за но?

Георгий. ... Но дело, видишь ли, заключается в том, что один я никогда не пью. Только на брудершафт!

Евгения. Ничем тебе помочь не могу.

Георгий. Или не хочешь! Ну, хорошо, уговорила. Я отступлю от своего главного принципа в жизни. Надеюсь, бог меня простит. Выпью. Один! И твой бокал тоже выпью. Не побрезгую, как некоторые. Ты же за это поцелуешь меня.

Дважды!

Евгения. Почему дважды?

Георгий. Потому что твой бокал... стерильный. А это значит, что все живое в нем, которое еще совсем недавно так наивно, по-детски, радовалось под солнцем в этом бокале, пусть и на клеточном уровне, превратилось сейчас в кладбищенский натюрморт. Печально - это Женя. Трагедия можно сказать. А ты еще спрашиваешь, зачем меня надо трижды расцеловать. Помянуть надо братьев наших меньших! Эх, какие муки претерпеваю, я ради тебя. Но что не сделаешь ради женского наслаждения. За тебя Евгения!

Евгения. Спасибо.

Георгий. Рано меня еще благодарить. Пока не за что!

Свечников пьет свой бокал, затем бокал Кузнецовой.

Георгий. Ух, чуть не захлебнулся. Ну, теперь я готов, принять твои три поцелуя.

Евгения. Я думаю, что тебе и так хорошо.

Георгия. Но ты же обещала, меня поцеловать.

Евгения. Ничего такого я не помню.

Георгий (говорит в сторону). Кажется, меня динамят. Вот не ожидал.

(Обращается к Евгении.) Ну, хоть в щёчку поцелуй - жестокое создание. Для тебя это ничто, а для меня самые счастливые воспоминания на всю оставшуюся жизнь. (Говорит в сторону.) Неплохо сказал, даже на слезы пробивает. Какая драма! Надо бы не забыть эти проникновенные слова. Еще пригодятся.

Евгения. Зачем ты юродствуешь сейчас?

Георгий (обиженно). Я? О, как ты несправедлива ко мне, Евгения. (Говорит в сторону.) Тот еще мне орешек попался. Но ничего время пока терпит. И не таких раскалывали! (Обращается к Евгении.) Я хотел тебе сказать... (Пауза.) Что такое?! Ты что, плачешь?

Евгения (украдкой вытирает слезу). Нет, не плачу.

Георгий. Я ясно вижу, что ты плачешь. В чем причина твоих слез?

Евгения. Они почему-то сами по себе капают. Непроизвольно.

Георгий. Но не может же, женская сырость образоваться на пустом месте. Должно быть, логическое основание для их появления!

Евгения. Оно есть.

Георгий. И какое же?

Евгения. Мне жалко...

Георгий. Что вина жалко? Так оно еще осталось. И не надо так за это переживать. Господи...

Евгения. Дурак. Мне тебя жалко.

Георгий. Неужели я так плохо выгляжу, и мне недолго осталось жить?

Евгения. У тебя действительно не так много времени осталось, как ты думаешь.

Георгий. А вот тут, пожалуй, хотелось бы и поподробнее.

Евгения. На что ты тратишь свою жизнь? На эту бесконечную вереницу женщин, которая сменяет одна, другую. Что ждет тебя в конце пути? Неужели, это все к чему ты так стремился.

Георгий. Э-ээ. Да, у тебя истерика, как я погляжу. Я сейчас...

Свечников быстро берет пустой бокал с журнального столика и стремительно удаляется на кухню. Приносит бокал воды.

Евгения. Ты такой красивый... умный... талантливый пошел по легкому пути. Зачем?

Георгий. Ну, не такой он и лёгкий, как тебе кажется. Вот, водички хлебни.

Евгения (отталкивает руку Георгия). Оставь меня. Не хочу я твоей воды. И тебя тоже не хочу.

Георгий (нервно сам выпивает воду). Такое впечатление, что ты пила, а не я. Может, ты от винных паров угорела?

Евгения. Несчастный ты! Сгоришь, и ничего после тебя не останется.

Георгий. Надеюсь, все-таки что-то и останется.

Евгения. Что?

Георгий. Память. Хотя бы в твоём сердце. На большее я не претендую.

Евгения. Бабник!

Георгий. Твоя, правда, Женечка. Грешен. Сам осознаю это все, но ничего с собой поделать не могу.

Евгения. Безвольный. Бессердечный. Ты — злой!

Георгий. А вот тут ты глубоко ошибаешься. Разве злой человек принес бы, тебе стакан воды...

Евгения. Но ты же сам его и выпил.

Георгий. Вот видишь, и воду за тебя выпил. Да, я все для тебя сделаю, только прикажи.

Евгения (ежится). Мне холодно. Рук своих не чувствую...

Георгий (срывает с кровати покрывало). Подожди. Я укурую тебя сейчас.

(Пытается накинуть покрывало на плечи Евгении, но она сбрасывает его с себя.)

Евгения. Не надо. Ничего не надо. Какая грязь! Боже мой...

Георгий (оглядывается по сторонам). Другого и нет ничего подходящего. Может быть чай? Ах, да, ты к нему тоже не притронешься. Но что же делать? (Пауза.)

Дай мне... свои руки.

Евгения. Зачем?

Георгий. Дай, потом узнаешь.

Евгения. Не дам.

Георгий. Что это еще за игры: дам, не дам. Не до того сейчас.

Свешников садится на корточки перед Кузнецовой.

Георгий. Сейчас я согрею твои ладони своим горячим дыханием. Вот так!

Потом возьму твои руки...

Евгения. Не возьмешь!..

Георгий. Не вырывайся... А я говорю, что возьму тебя... нежно. А... я нежно не сказал. Прости! Просто не успел. (Говорит в сторону.) Неужели я волнуюсь?

Да, кто бы мог подумать, что я тоже могу волноваться как мальчишка.

(Обращается к Евгении.) И снова, горячая кровь потечёт по твоим жилам, ледяная статуя и ты оживешь. В смысле, растаешь!

Евгения. Мне не помогают твои заклинания... Только хуже становится.

Георгий. Да, ты что! Тогда просто необходимо, оживить твои локотки прикосновением своих губ?

Евгения. Не надо.

Георгий. Как твой лечащий врач, я обязан испытать все методы. Целую (целует). Ах, какие красивые тонкие пальчики. Мизинец, правда, не, сколько длинноват, но в семье, как говорится, не без уроды.

Евгения. Что?

Георгий. А какой пальчик указательный! Прямо перст божий, который мне свидетельствует, что райской наслаждение не для меня.

Евгения. Правильно.

Георгий. Все другие пальчики тоже хороши. Но только потому, что других конечностей в наличии, нет. На безрыбье, как известно, и рак рыба.

Евгения (вся во власти мужского обаяния). Какая рыба?

Георгий. Рыба? Рыба морская... промысловая, вся так и преисполнена золотой икрой... (Говорит в сторону.) - не оплодотворенной. (Снова обращается к

Евгении.) Ну, что потеплело?

Евгения. Я сама не пойму. Кажется... Нет, ничего не чувствую

Георгий. Я так и думал. Все потому, что я ладоней твоих еще не целовал.

Евгения. А это обязательно?

Георгий. Что ты! Это же самый действенный способ. Только поцелую твою прямолинейную линию любви и ты тут же исцелишься. (Целует.) А линия жизни у тебя долгая... долгая. Не иначе всех пережить собралась!

Евгения (словно стряхивает с себя гипнотический сон). Ну, хватит. Эти всем известные донжуанские приёмы, тебе здесь не помогут. Я к ним совершенно равнодушна.

Георгий. Ну, как руки твои, не зябнут больше?

Евгения (твёрдо). Нет.

Георгий. Вот видишь, что одни мои поцелуи делают. А всем телом, я бы давно тебя оживил.

Евгения. Не сомневаюсь. Правда, ни мои руки, ни ноги, в твоих спасительных поцелуях не нуждались. Я тебя испытывала!

Георгий (возмущенно). Испытывала! Значит, это была лишь игра?!

Евгения. Вот именно. Какой ты доверчивый, а ещё себя профессионалом называешь.

Георгий. Какое коварство! Я можно сказать, всего себя не жалею, а из меня мышь подопытную делают. Интриганка!

Евгения (нарочито смеется). Вот именно — мышь.

Георгий (нервно ходит по квартире). погоди у меня. А я тебе воды... Идиот!

Евгения. Давай ругайся, а лучше пиши. Пи-пи-пи.

Георгий. Что это ещё за «пи-пи» такое?

Евгения. Это писклявый голос умирающего грызуна. Мелкого!

Георгий. Эта мышь, еще всех переживет и мемуары о своих злодеях напишет.

Евгения. Чем напишет? Хвостом!

Георгий. Не твоя забота. Чем надо, тем и напишет. А я еще бокал вина за нее выпил. Дубина стоеросовая!

Евгения. Вот ты и сам сознался, что давно от одушевленного предмета в растение превратился.

Георгий. Не в растение, а в дерево.

Евгения. Не велика разница.

Георгий. А кто-то еще совсем недавно утверждал, что я талантливый... умный... красивый, наконец.

Евгения. Именно что, наконец!

Георгий. Жаль, что я тебя с первого раза не раскусил. Но теперь я точно знаю, с кем имею дело. Ханжа!

Евгения. Это я - ханжа?

Георгий. Да, ты. Не стерильно, видишь ли, ей. Запачкаться всего боится...

Евгения. За то, ты ничего не боишься.

Георгий (передразнивает). Бокалы не мытые...

Евгения. Ты же сказал, что вымыл их.

Георгий. Да мало ли, что я сказал тебе. Не всему же можно верить. Чай не

девочка...

Евгения. Так они мытые или нет?

Георгий. Зачем их мыть, когда они чистые! Ну, какая ты не далекая...

Евгения. Значит, ты целовал мои руки губами, которые пили из чужих и грязных бокалов! Так что ли?

Георгий. Что раньше времени умереть боишься?

Евгения. Сначала я тебя убью, а уже потом буду ждать, свою неминуемую гибель.

Кузнецова гоняется по комнате за Свешниковым, который на свое счастье успевает закрыться от нее в туалете.

Евгения. Выходи оттуда, Георгий. По- хорошему.

Георгий (говорит из-за закрытой двери). И не подумаю. Ханжа!

Евгения. Я не знаю, что я тобой сделаю, когда доберусь до тебя

Георгий. Руки короткие. Да, повязку белую на лицо все-таки примерь. Думаю, что она тебе очень пойдет.

Евгения. Какую еще повязку?

Георгий. Стерильную. Намордником называется.

Евгения (стучится и буквально ломится в двери). Ничего. Не вечно же тебе сидеть в туалете. Я подожду.

Георгий. Да, я тут хоть до второго пришествия могу оборону держать. Вода у меня есть, туалет мой, а бумаги то, бумаги, хоть сейчас садись на унитаз и пиши свои мемуары.

(Долгая пауза.)

Евгения (сидит в кресле). Ты что Жора, уснул?

Георгий. Нет. Собираюсь только.

Евгения. Что ты там делаешь?

Георгий. Воду пью, а затем естественно ... писаю. Ты зачем меня от важного отвлекаешь?!

Евгения. Ну и занятие ты себе нашел. Прямо сказать не мужское. Может, все-таки выйдешь.

Георгий. С чего бы это?

Евгения. Понимаешь мне тоже... надо.

Георгий. Не понимаю.

Евгения. Ну, надо и все.

Георгий. Аа-а... дошло. Прости, но ничем помочь тебе не могу. Унитаз ручной работы. Хрупкий. Дорогой.

Евгения. Ну, будь человеком. Я не могу, больше терпеть.

Георгий. Не надо, терпеть. Зачем?

Евгения. Ты что издеваешься?

Георгий. Как же твои принципы. Ты только представь, сколько людей уже воспользовалось этим унитазом. Ужас!

Евгения. А говорил, что никогда один не пьешь...

Георгий. Глаза протри, ханжа. Когда это я пил один, ты же на меня во все глаза

смотрела. Нас двое было. И теперь я не один. Я пью в туалете, а ты за дверью - завидуешь мне.

Евгения. Так что же мне делать?

Георгий. Знамо, что делать... терпеть!

Евгения. Теперь я точно знаю, что сделаю с тобой, когда ты выйдешь из туалета

Георгий. Я весь во внимании.

Евгения. Я утоплю тебя в унитазе - мышь белая.

Звенит телефонный звонок. Кузнецова поднимает трубку.

Евгения (говорит по телефону). Кто это? Что вам надо? Будем ли, мы продлевать время? Конечно, будем. На сколько? Да, хоть до второго пришествия!

Георгий (кричит из-за закрытой двери). До какого еще второго пришествия. Через полчаса нас здесь не будет. Да, мы уже... уходим.

Евгения (игнорирует слова Георгия и дальше общается с телефонным собеседником). Жаль, правда, что не все уйдут своим ходом. Нет, я вам не угрожаю и вообще я не с вами сейчас разговариваю. С кем? С одним хвостатым грызуном, которого я поклялась утопить в унитазе. Откуда он взялся, спрашиваете? Нет, это не летучая мышь, это хуже — белая. Да, представьте себе, самая обыкновенная серая мышь, добровольно, на себя белый саван напялила. Нет, ещё не дрессированная, но скоро станет ручной. Или мертвой!

Свешников неожиданно открывает дверь, чинно проходит в центр комнаты, пытается вырвать трубку из рук Кузнецовой.

Евгений. Ага... сам вышел. Вот, я тебя сейчас.

Георгий. Прошу мне не угрожать. Я тебя не боюсь. Лицемерка!

Евгения. Это был твой последний писк.

Георгий. А как же пи-пи. Мой тебе совет — не напрягайся. Как бы чего не вышло.

Евгения. Не беспокойся, не выйдет. Ой, я кажется... пошла. Мне давно надо.

Георгий. Лучше беги. Может, ещё и успеешь.

Вскоре из туалета выбегает Кузнецова, которая нервно ищет на теле Свешникова место для приложения своих нежных рук. Мужчине несколько раз достаётся от женщины, но неожиданно, он обнимает ее и целует в губы.

Евгения. Отпусти меня. Ну, кому я сказала!

Георгий. Все отпустил. Как говорил мой близкий друг: «Не очень то, и хотелось»?

Евгения. Вот ответ мне Георгий, почему ты хочешь выглядеть хуже, чем ты есть на самом деле?

Георгий. Вообще-то я не такой.

Евгения. Я и сама вижу, что ты другой.

Георгий. Так и я пытаюсь тебе объяснить, что я не такой ты говоришь, и не такой, какой я говорю.

Евгения. Ты сейчас так сложно выразился, что я тебя совершенно не понимаю.

Георгий. Да, нет тут ничего сложного. Ты главное мне объясни, что мне надо сделать, чтобы понравиться тебе?

Евгения (неуверенно). Просто будь самим собой.

Георгий. И все?

Евгения. Все.

Георгий. И только то?

Евгения. Да.

Георгий. Ну, что ж слушаюсь и повинуюсь.

Свешников подходит к кровати и начинает раздеваться.

Евгения. Зачем ты раздеваешься?

Георгий. Просто становлюсь самим собой (ложится в кровать и укрывается белой простыней). Ты права. Ну, какой смысл ломать друг перед другом, старую как мир комедию. Давай, рядом ложись.

Евгения. Мне и тут хорошо.

Георгий. А будет еще лучше. Иди ко мне.

Кузнецова медленно встает со своего кресла и направляется сначала к входной двери, как будто хочет удостовериться, что она надежно закрыта. Затем медленно двигается в сторону Свешникова, который от предвкушаемого удовольствия, чуть ли не урчит по-кошачьи.

Евгения. Конечно, я сама дала тебе повод, так думать обо мне.

Георгий. Как так? Я вообще о женщинах не думаю. Зачем мне постоянная головная боль?

Евгения. Я понимаю, что после трех дней знакомства, женщина, пришедшая сюда, в твоих глазах должна считаться падшей.

Георгий. А ты, что, действительно упала, когда мы шли сюда? Прости, не заметил.

Евгения. Наши отношения, если так их можно назвать, зашли в тупик.

Георгий. По-моему это и есть логическое заключение наших чувств.

Евгения. Но разве ты любишь меня?

Георгий. Я? Конечно! Если бы не любил, стал бы я место для тебя согревать.

Евгения. Но ведь все это неправильно. Не по-людски.

Георгий (теряя самообладание). Ложись, говорю, и просто получи удовольствие.

Евгения. Но для меня этого слишком мало!

Георгий. А кто сказал, что будет мало. Будет много. Так много, что просто держись.

Евгения. Зачем мы так торопимся?

Георгий. Вообще-то я не из этих, которые торопятся. Для меня сначала оргазм женщины и только затем мои — мужские радости.

Евгения. Не о том ты сейчас говоришь, Георгий.

Георгий. Ты думаешь, что я превозношу себя. Ничуть. Я могу очень даже... медленно.

Евгения. Я долго думала...

Георгий. Я и долго могу.

Евгения. Мы должны, были неторопливо сближаться друг с другом, шаг за шагом...

Георгий. Куда уж медленнее. Три дня и все без толку. Надо признаться, что ты держалась больше и отчаяннее всех. Уважаю. Теперь иди ко мне, и не раздражай меня, в конце то, концов.

Евгения. Неужели я для тебя одна из тысяч?

Георгий. Ну, это ты преувеличиваешь. Но мне все равно приятно.

Евгения. Ведь я для тебя ничего не значу!

Георгий (берется за голову). Боже мой. (Говорит в сторону.) Когда же прекратится все это?! Ведь время — не резиновое. Можно сказать, что нет его совсем, а мы даже не приступали. До минимума придется урезать всю мою концертную программу. А там такие номера! Там я такой неотразимый!

Евгения. Твое полигамное поведение продиктовано животным инстинктом, покрыть еще одну самку.

Георгий. Ты хочешь сказать, что я самец?

Евгения. Да.

Георгий. Такого мне еще никто не осмеливался бросить в лицо. Женщина, ты меня сейчас не только оскорбила, так ты и достать стремишься! И у тебя это неплохо получается.

Евгения (не обращает внимания на слова Георгия). Ведь то, что ты хочешь, совершить - один из смертных грехов. «Не пожелай жены ближнего своего».

Георгий. А мы быстро. Никто и не заметит.

Евгения. Я хочу...

Георгий (перебивает). ... Я давно хочу.

Евгения. Я хочу тебе сказать, что нам надо...

Георгий (снова перебивает). ... И я о том же. Нам всем когда-то надо.

Евгения. Нам надо... остаться друзьями. (Пауза.)

Георгий. Кем? Друзьями?

Евгения. Именно. Близкими и родными людьми.

Георгий. Без секса?

Евгения. Без него.

Георгий. Я давно присматриваюсь к тебе Евгения, и прихожу к закономерному вопросу: «А не чокнутая ли ты?»

Евгения. Ты вправе меня оскорблять.

Георгий. Никого я не оскорбляю, я просто спрашиваю, у тебя есть справка от психотерапевта или нет? Только так: да или нет?

Евгения. Нет.

Георгий (одевается). Я так и думал.

Евгения. Значит, ты все понял!

Георгий. Конечно, понял. Что же тут не понять. Справки то, нет.

Евгения. Ты вправе на меня обижаться.

Георгий. Я! Обижаться? На войне как на войне. Вчера ты, а сегодня тебя... но пасса ран.

Евгения. Но ты не должен расстраиваться. В следующий раз, с другой, у тебя все получится.

Георгий. И на добром слове тебе спасибо, друг. Твои молитвы Женя, да богу в уши.

Евгения. Как хорошо, что ты сейчас сам заговорил о боге.

Георгий. Не заговоришь тут... Все. Спасибо за внимание! Нам пора.

Евгения. Ты уже уходишь?

Георгий. Не я один ухожу - мы оба. Нечего место занимать.

Свешников уже одет, берет в руки портфель и подходит к входной двери.

Георгий. Где же ключ? Куда я его подевал (ищет). Ты не видела?

Евгения. Нет.

Георгий. Странно... я никогда не вынимаю его из замка.

Евгения. Может, само провидение дает тебе шанс.

Георгий (перебивает). ...Мне не шанс нужен, а ключ.

Евгения. Неужели, ты не видишь, что все мы неправильно живем.

Георгий. Только не надо мне ничего, пожалуйста, объяснять. Я не так глуп, как тебе кажется, и отлично вижу, что с дамочками вроде тебя, мне надо держаться подальше. Твоя высокая организация души, возвышенность, стремление к великим идеалам — это все, что мне совершенно не свойственно. Где же ключ, черт бы его побрал!

Евгения. Я ожидала от тебя такой реакции, поэтому до конца приготовилась, выслушать твою исповедь.

Георгий. Я не очень хорошо знаю, распорядок работы сумасшедшего дома. Наверное, только там принято, сначала доводить человека до белого колена, а затем исповедовать.

Евгения. Ну, посмотри на меня! Зачем я тебе такая?

Георгий. Честно.

Евгения. Да.

Георгий. Для коллекции! Признаюсь, что таких сумасшедших у меня ещё не было.

Евгения. Скорее всего, в юности ты пережил любовную трагедию, а сейчас просто мстишь всем и вся, за то, что тебя отвергли.

Георгий. Отвергли? Меня? В юности? Хмм-м. Не было ничего такого.

Евгения. Как верному другу ты можешь мне полностью открыться. Даже поплакать. Тебе легче станет.

Георгий (наливает себе в бокал вино). Послушай, а кто ты такая, чтобы лезть в мою душу.

Евгения. Я твой друг.

Георгий. Не друг, а подруга. Не забывайся, женщина. И в наше мужское братство - не лезь.

Евгения. Что ты этим хочешь сказать?

Георгий. Я не сказать, а лишь спросить тебя хочу...

Евгения. Спрашивай. Постараюсь быть с тобой предельно откровенной.

Георгий. Где ключ?

Евгения. У меня.

Георгий (удивленно). Как у тебя? Зачем?

Евгения. Так надо.

Георгий. Я, значит, ищу ключ, а он у тебя. Немедленно отдай его мне.

Евгения. Не дам.

Георгий. Мне ключ нужен, а не то, что ты сейчас подумала. Ключ - это такой маленький предмет, предназначенный для открывания закрытых дверей.

Евгения. А вот пошлости говорить, не следует. Тебе это совсем не идет.

Георгий. Не подозревал, что ключ имеет еще одно нескромное значение. Но, если ты так хочешь!

Евгения. Я хочу, чтобы ты сейчас прочел одну книгу.

Георгий (говорит в сторону). Так мне и надо. С убогой связался. Какой я все-таки болван! (Обращается к Евгении.) Ладно, давай твою книгу, дома обязательно прочту.

Евгения. Нет. Сейчас.

Георгий. А ты настырная, как я погляжу. Где твоя книга? (Евгения протягивает книгу.) Ты... точно из ума выжила. Только ненормальные могут носить с собой Библию. Я ухожу.

Евгения. Уходи.

Георгий. А ключ?

Евгения. Библия и есть твой ключ к вечной жизни.

Георгий. Ну, не искушай меня, сестра моя во Христе. Ведь доброта моя не беспрдельна. Еще немного и ее совсем не останется.

Евгения. Сейчас ты искушаем дьяволом, и самое время помолиться.

Георгий. Ну, если я и готов прочитать молитву, то, только за упокой. За твой!

Евгения. Ты сам не понимаешь, от чего сейчас отказываешься. Книга жизни...

Георгий (перебивает). Зачем она мне? Я ее совсем не хочу. Мне ничего от нее не надо.

Евгения (настырно). Читай!

Георгий. Да я в жизни никогда не читал таких толстых и умных книг. Я даже не знаю, откуда её следует листать: слева направо или справа налево.

Евгения. Хочешь, открой ее наугад.

Георгий. Наугад говоришь. Попробую (открывает). «... В беззаконии я был рожден в муках, и в грехе зачала меня мать». (Псалмы 51-5.)

Евгения. Вот видишь! Бог все видит.

Георгий. По-первому разу нельзя судить о человеке. Ты вот мне тоже сначала понравилась. Теперь... не очень. Положимся ещё раз на его величество, случай (листает книгу и читает). «За грех отцов, ненавидящих меня, я наказываю сыновей до третьего и четвертого поколения». (Исход 20:5.)

Евгения. Теперь ты надеюсь, понимаешь, как грешен!

Георгий. А я то, тут причем. Просто мне с родителями не повезло. То, мать меня

в грехе зачала, затем отец — сукин сын - согрешил. Бог как говорится, троицу любит. Сейчас проверим. (Читает.) «Потому что плата греха — смерть». (Говорит в сторону). Со всех сторон обложили. Куда не сунься — конец. Евгения. Ты что там причитаешь?

Георгий (говорит в сторону). И черт меня дернул к тебе привязаться. Ну, что мне баб мало на земле. Нет, выбрал себе - оглашенную. (Обращается к Евгении.) Дай мне ради Христа... в смысле отдай мне ради Иисуса, ключ от квартиры.

Евгения. Перст божий не зря на тебя указал.

Георгий. Показывать пальцем на человека - не культурно. Грешно, даже.

Евгения. Может, ты сам молитву прочтёшь?»?

Георгий. Я? Не могу! Не сумею!

Евгения. Ты закрой глаза и просто повторяй за мной: «Отче наш на небесах, пусть светится имя твое. Пусть придет твое царство».

Пока Евгения закрытыми глазами читает молитву, Георгий вторит ей, но втихую, обыскивает ее сумочку.

Евгения. «Пусть твоя воля будет и на земле, как и на небе. Дай нам сегодня хлеб, необходимый на этот день, и прости нам долги наши, так как и мы простили наших должников». (Открывает глаза.) Что ты делаешь, Георгий?

Георгий. Не отвлекайся. Дальше слово божье читай.

Евгения. Не хорошо по чужим сумкам шарить.

Георгий. Ничего я не шарю, я молитву читаю, а в свободное время — ключ ищу.

Евгения. «И не введи нас в искушение, но избавь от злого. Аминь!».

Георгий (вторит). Аминь. (Пауза.) Боже как хорошо сразу стало. Отпустила, ты грехи мои Евгения, и зачтется тебе. Теперь прямо в царствие небесное попаду. Но сначала хотелось бы, ключ получить.

Евгения (отдает ключ). Забирай!

Георгий. Премного тебе благодарен.

Кто-то звонит в дверь.

Георгий (вздрагивает). Кто бы это мог быть интересно?

Евгения (говорит твердо). Мой муж.

Георгий. А что ему делать в нашей тесной компании?

Евгения. Наверное, решил проведать нас.

Георгий. Что мы больные, чтобы нас проведывать. Вообще-то это маловероятно, чтобы он нас так запросто нашел.

Евгения. Пути господни неисповедимы.

Георгий. Ты что это серьезно?

Евгения. Пойди, открой дверь и сам убедись в правдивости моих слов.

Георгий. И пойду (делает шаг к дверям). Муж, видите ли, пришел! Ну и что! Он думает, что я боюсь его. Я! Курам на смех. (Снова звонок.) (Георгий от дверей возвращается к Евгении.) Что действительно, твой муж? Настоящий?

Евгения. Нет, искусственный.

Георгий. Искусственный? Ну и ну. (Снова звонок.) А зачем ты искусственному мужу все о нас рассказала?

Евгения. Потому что я не умею лгать.

Георгий. Ты думаешь, это веская причина, чтобы натравливать мужа на любовника. А, если я его или хуже того, он меня не правильно поймет. Врать она, видите ли, не умеет! Так я бы научил!

Евгения. Я ответила ему правду.

Георгий (передразнивает). Ответила она... Кто так отвечает! Ну, зачем все рассказывать мужу? Бывают же такие недалекие люди.

Евгения. Что же я должна была ему сказать?

Георгий. Да, что угодно. За покупками пошла, плановый прием у врача-гинеколога или с подругой встречаюсь. Видишь, сколько правдоподобных ответов я для тебя сразу же нашёл, при этом ни сколько не задумываясь. Но, слава богу, между нами ничего не поправимого ещё не произошло. Поэтому я могу прямо и честно смотреть в глаза твоего супруга. Если он спросит, что мы делали с тобой вдвоем — так Библию читали. Зачитались даже, что и звонка не услышали.

Евгения. ...Три раза не слышали?

Георгий. Так книга, ну, такая интересная.

Евгения. Ты откроешь дверь?

Георгий. Да, сейчас. Нет, знаешь, не могу. Ноги не идут. Я, пожалуй, сяду. А ты иди и принимай мужа, как ни в чем не бывало. При встрече сразу же поцелуй его. Приласкай. Чтобы он сразу все понял, что у нас ничего не было и быть не могло. Чувств — не жалею. Муж все-таки. Искусственный. Такая редкость. А я пока Библию почитаю.

Евгения подходит к двери, открывает ее и с кем-то разговаривает на пороге.

Георгий прислушивается и нервно листает Библию и читает из неё наугад.

Георгий. «Вы слышали, что сказано: Не прелюбодействуй». (Писание от Матфея 5:28.) (Говорит в сторону.) Никто и не собирался, Господи. Очень надо. (Снова читает.) «А я говорю вам, что всякий, кто продолжает смотреть на женщину и разжигается к ней страстью, уже совершил с ней прелюбодеяние в своем сердце». (Говорит в сторону.) Никто и не смотрел. Что я женщин никогда не видел! Нет, даже в сердце своем о таком запретном не помышлял. (Снова читает.) «Если твой правый глаз становится для тебя преткновением, вырви его и выброси». (Говорит в сторону.) Как скажешь Господи, так и сделаю. Лучше вырву глаз, чем муж ее, меня покалечит. (Снова читает.) «Лучше, если ты потеряешь один из своих членов, чем все твое тело будет брошено в геенну». (Говорит в сторону.) Так и раскидаться членами не долго, Господи. И все-таки один я бы поберег... член — на всякий пожарный случай. Ну, книга все про меня знает!

Евгения заканчивает с кем-то разговор, закрывает дверь и спокойно

возвращается в комнату.

Георгий. А где муж?

Евгения. По-видимому, еще дома.

Георгий. Ну и нервы у него железные. Кто это приходил?

Евгения. Соседка.

Георгий. Зачем?

Евгения. Соли приходила попросить.

Георгий. Ты уверена, что эта соседка?

Евгения. Да.

Георгий. А соль ей на что?

Евгения. Мужа кормить.

Георгий. Что солью?

Евгения. Нет, мясом!

Георгий. Тогда причём здесь соль?

Евгения. Чтобы посолить... его.

Георгий. Кого? Мужа!

Евгения. Мясо!

Георгий. Ты не находишь, что все это подозрительно. Так ты ей все-таки дала?

Евгения. Что дала?

Георгий. Соль!

Евгения. Нет.

Георгий. У тебя на все вопросы один ответ — нет - не дам.

Евгения. Я сказала, что соль кончилась.

Георгий. А она что?

Евгения. Домой пошла.

Георгий. К кому?

Евгения. Естественно к мужу.

Георгий. К твоему мужу и ты так спокойно об этом говоришь?!

Евгения. Ты я вижу, от страха совсем голову потерял.

Георгий. Какой страх. Где ты его видишь? Просто я не люблю семейные скандалы и всячески стараюсь их избегать. Ключ, где?

Евгения. В дверях.

Георгий. Отлично. Ну, на посошок и можно уходить. (Наливает себе бокал вина, выпивает, хватает портфель и подходит к дверям).

Евгения. Ты иди, а я пожалуй, еще задержусь.

Георгий. Что значит задержишься?

Евгения. Мне надо подумать.

Георгий. Нигде так хорошо не думается, как на свежем воздухе. Как же я по человеку соскучился. Ну, хватит, сидеть в четырех стенах как цел..., то есть, как целомудренная женщина. На свободу. Ура!

Евгения. Нет.

Георгий (смотрит на часы). Сейчас новая партия прелюбодеятелей должна подойти. Ты что им тоже Библию будешь читать?

Евгения. Не исключено.

Георгий. Не советую. Как бы чего не вышло!

Евгения. Не волнуйся за меня.

Георгий. Неужели, ты могла подумать, что я брошу тебя здесь. Одну. Моего единственного и настоящего друга.

Евгения. Не называй меня так.

Георгий (по-приятельски хлопает по плечу). Ну, что случилось дружище.

Почему ты загрустил?

Евгения. Никакой я тебе не друг.

Георгий. Ну, подруга.

Евгения. И даже не подруга. Еще раз так меня назовешь — пожалеешь.

Георгий. Хорошо. Ты моя, сестра во Христе, а я твой брат.

Евгения. Не провоцируй меня, Георгий. Очень тебя прошу.

Георгий. На правах твоего брата я должен открыть тебе не одну, а целых три истины: во-первых, муж — это не плохо, во-вторых, муж — это хорошо, а в третьих муж — это отлично даже. Ну, а если случится что, ты всегда сможешь, положиться на меня и выплакать у меня на груди все свои сокровенные тайны. Кто-то может и не поверит в безгрешную дружбу между мужчиной и женщиной, но что нам до мирских слухов. Ведь не состоявшийся любовник — самый безопасный мужчина для женщины, а стало быть — друг. (Получает звонкую пощечину.) За что?

Евгения. За не целевое использование слово — друг.

Георгий. Порой мне кажется, что мы с тобой на разных языках говорим. Когда ты членораздельно произносишь слово — «нет», и я его также четко, с правильной артикуляцией повторяю, думая, что это правильный ответ, как логическое заключение в наших отношениях, но не тут-то, как говорится, и было. Другой случай, - ты говоришь слово - «не дам», и я его тоже не оспариваю, но снова оказываюсь, не прав. Я готов, принять любую твою точку зрения, как единственно правильную. Но ты тут же сама её опровергаешь. Хотя мы ясно определились с тобой, что остаемся... друзьями.

Евгения. Ты что действительно этого хочешь?

Георгий. Чего хочу я уже неважно. Скажи, чего хочешь ты?

Евгения. Не знаю.

Георгий. Вот это и есть настоящий женский ответ.

Евгения. Порой мне кажется, что я ненавижу тебя, и тут же думаю, что смогла бы тебя и ...

Георгий. Ну что меня и...?

Евгения. ... И убить.

Георгий. Ни сколько в этом не сомневаюсь. Ведь все то, что сейчас с тобой и происходит — это и есть настоящая дружба между мужчиной и женщиной.

Евгений. Неужели, мы могли бы действительно подружиться?

Георгий. Ну, конечно. Вот скажи мне, ты варенье из вишни варишь?

Евгения. Да.

Георгий. С косточкой?

Евгения. Могу и с косточкой.

Георгий. Отлично. Представь себе такую картину, что однажды ты со своим

мужем приглашаешь меня в гости, и мы вместе пьем чай из блюдечка, съедая при этом целую банку варенья из вишни с косточкой.

Евгения. Как бы тебе не подавится этой косточкой. Импотент!

Георгий. Не понял! Импотент то тут причём?

Евгения. Уговорить женщину на смертный грех, не можешь. Безвольный и бессильный мужчина!

Георгий. Что ты вообще себе позволяешь?! Тоже мне фифа. Целомудренно играешь в ромашку: дам, не дам, хочу, не хочу. Место для встречи ей, видишь ли, не подходит! Да, не дворец. Но сколько истинных чувств видели эти стены... сколько любви

Евгения. Не любовь это...

Георгий. Кто тебе право дал решать, что было здесь между людьми. Для меня главное, что они хотя бы не претворялись, что живут. Больше всего на свете я ненавижу две вещи: человеческое ханжество и манерной чопорности. Потому что ханжество всегда приводит к чопорному ритуалу, а последнее снова к ханжеству. Да, конечно для начала мне надо было, подарить тебе цветы, сводить в кино, пригласить в ресторан, забросать тебя подарками. Но я подумал... поверил... что ты особенная и все это не для тебя. Ведь ты же не все. Ты одна такая... сумасшедшая. Вот уже три дня, как я не могу ни есть, ни пить. Дышать не могу. Строю из себя невесту что, и без конца болтаю, несусь, бог знает что, а сам думаю, что мне с тобой и молчать — великая радость. Потому что с родным человеком и тишина - разговор. Но ты мужнина жена, с чем тебя и поздравляю, и больше не задерживаю. Разрешите откланяться!

Евгения. Постой.

Георгий. Долгие проводы - лишние слезы. Да, и варенье я к вам есть, не приду.

Евгения. Почему?

Григорий. Потому что у меня от вишневых косточек изжога. И от всей своей жизни тоже.

Евгения. Не уходи.

Григорий. Прощай!

Евгения. Ну, хоть на минуту ещё задержись. (Пауза.) Ты думаешь, что я дура?

Георгий. Дурак как раз я, а ты умная. Мудрая даже! С этим тебя и поздравляю, а мне поделом.

Евгения. Почему же с этих слов ты не начал ко мне приставать?!

Георгий. Пристают корабли к пристани, а люди встречаются друг с другом. А вслух не сказал тебе всего, потому что внутри сердца своего, я неизменно повторял эти слова. Только ты не захотела их услышать. Мужу, привет.

Евгения. Хорошо, передам.

Георгий. Хоть всему миру передай, что был один дурак, который ненавидел тебя, больше, чем ты его. Так бы и... убил бы тебя.

Евгения. Ты шоколад забыл.

Георгий. Ничего я забыл. Это тебе.

Евгения. Я не люблю шоколад.

Георгий. Тогда мужу дай... его. И вообще. Всего тебе хорошего, Евгения Александровна.

Евгения. И тебе того же. У меня есть к тебе последняя просьба. Обещай, что выполнишь ее.

Георгий (стоит у двери и открывает её). Что еще?

Евгения. Когда уйдешь, закрой, пожалуйста, дверь поплотнее.

Георгий. Закрою. Не сомневайся.

Евгения. Спасибо тебе. Ну, что же ты медлишь?

Георгий. Закрываю.

Евгения. Только не с той стороны, а с этой.

Георгий. Как это понимать?

Евгения. Как просьбу, которую ты обещал исполнить.

Георгий. Вообще-то твоя просьба больше звучит как приказ. И что это за тон? Ну, хорошо закрыл. Что дальше?

Евгения. Теперь запри ее.

Георгий. На ключ?

Евгения. И на задвижку... тоже.

Георгий. А на цепочку?

Евгения. На все закрывай. И даже подопри ее чем-то!

Георгий. Мы что на осадном положении. А... понимаю, муж с минуты на минуту должен ворваться сюда.

Евгения. Не муж, а целый мир, который попытается тебя безуспешно спасти.

Георгий. Меня спасти? От кого?

Евгения. Какой ты все-таки не догадливый. Конечно же, от меня.

Георгий. В данный момент меня просто от любопытства распирает, что это со мной должны сделать такое, чтобы наш равнодушный мир очнулся, и начал меня безуспешно спасать.

Евгения. Который сейчас час?

Георгий. Не знаю. Но думаю, что уже очень поздно.

Евгения. Отлично.

Георгий. Что это ты делаешь? Зачем ты перестилаешь постель? И вообще, откуда у тебя эти простыни и наволочки?

Евгения. Захватила из дома.

Георгий. Какое коварство! Столько времени мучить меня, а у самой в тоже время целый набор постельного белья в сумочке оказался. Случайно.

Лицемерка!

Евгения. Не хочу, чтобы ты лежал на чужих простынях.

Георгий. Ни на чужих, ни на твоих простынях, я нежиться не собираюсь.

Евгения. Ложись.

Георгий. То есть как это.

Евгения. Быстро!

Георгий. А быстро - это поперек или валетом мне нужно лечь?

Евгения. Все равно как.

Георгий (говорит в сторону). Не иначе кантовать меня будут и не один раз. (Обращается к Евгении.) Я неожиданно вспомнил, у меня же важная деловая встреча назначена. Как я только мог забыть о ней. Ой, опаздываю, не поверишь на... трое суток.

Евгения. Ничего с твоей встречей не случится. Отложи!

Георгий. У тебя новые слова паразиты появились: то ложись, то отложи. Ты просто не знаешь, с каким высокопоставленным человеком я должен встретиться?

Евгения. Отныне нет у тебя человека важнее, чем я.

Георгий. Ты?

Евгения. А что это тебя так удивляет?

Георгий. Просто так все быстро меняется, что я едва успеваю.

Евгения. Ну, все готово. Давай!

Георгий. Не дам... портфель. И рубашку тоже не отдам.

Евгения. Ложись, по-хорошему.

Георгий. Не надо мне угрожать. Я тебя нисколечко не боюсь.

Евгения (раздевается). Вообще не боишься.

Георгий. Ну, так местами.

Евгения. Какими?

Георгий. Заповедными!

Евгения (ложится). Я жду.

Георгий (понемногу тоже раздевается). Ну, если ты предпочитаешь Библию лежа читать, то я не возражаю. Так даже удобнее будет. А как же муж?

Евгения. Я ушла от него.

Георгий. Интересно куда?

Евгения. К тебе.

Георгий (покашливает). Ко мне?

Евгения. Ты думаешь, что я несколько поторопилась?

Георгий. Ну, разве что несколько. А так все правильно.

Евгения. Поцелуй меня.

Георгий. Может, останемся этими, ну, как его... приятелями.

Евгения. Ни за что!

Георгий. А я настаиваю, на продолжении наших платонических отношений. Ой, как же хорошо нам тогда всем будет. Прямо — рай.

Евгения. Обещаю тебе, что в следующей жизни, все так и будет, любимый. Но не в этой.

Георгий. Почему же не в этой?! Не надо откладывать на завтра то, что можно сделать еще сегодня.

Евгения. Именно это я и пытаюсь тебе, объяснить. Я хочу тебя. И если я этого не сделаю, я не смогу дальше жить. Никогда больше ты не услышишь от меня никаких отказов и никаких сожалений.

Георгий. Что вообще никаких?! Только не надо так сразу. У меня же болезненное воображение. Может все-таки друзьями? «Ведь всякий кто продолжает смотреть на женщину и разжигается к ней страстью, уже совершил с ней прелюбодеяние в своем сердце». А это, как ты понимаешь - смертный грех.

Евгения. Ты ничего не бойся, Георгий. Потому что в данном случае не мужчина смотрит на женщину и разжигается к ней страстью, а женщина на мужчину. А это не одно и то же.

Георгий (говорит в сторону). Какое вольное толкование женщиной нового

завета. Но что поделаешь, когда за грехи родителей, уродился ещё и мужчиной. Мне действительно не остается ничего другого, как снова разделить вкус запретного плода вместе с женщиной. Ведь она так упрямо в своих греховных пристрастиях. (Обращается к Евгении и пытается прочесть молитву.) Отче наш...

Евгения (перебивает). Аминь.

Георгий. Я только начал, а ты уже и закончить успела. Однако, быстро.

Евгения. Я тут подумала, ну, зачем я буду тебя мучить своим долгим ответом. Ведь я... согласна.

Георгий. С чем ты согласна?

Евгения. Я согласна выйти за тебя замуж.

Георгий. Извините!

Евгения. Что надо было еще помучить тебя, Георгий? Преждевременно прозвучало мое согласие, да? Следовало отложить на день, другой?

Георгий. Откладывать мы больше ничего не будем. Потому что время проходит быстро, а в этой квартире ещё и очень дорого. А посему — аминь!

Евгения. Аминь. Аминь. Аминь.

Георгий. Вообще-то я один раз согласился жениться на тебе, а не три раза.

Евгения. Мне и одного будет достаточно, главное, чтобы не быть твоим другом.

Георгий. А я тебе, и близкой подругой смогу еще стать.

Евгения. Лучше стань любимым, а потом и всем остальным.

Свешников все-таки решается, лечь на большую кровать и разделить ложе с Кузнецовой. При этом он напряженно держит свой портфель перед собой и укрывается им как щитом. Но это ему - не поможет.

Занавес